

Барочная символика абсолютной власти

Триалог между теодицеей, антроподицеей и дьяволодицеей

В «Бесах» Достоевский не дает прямой оценки шига-левского проекта и не выдвигает сколь-нибудь явных контрдоводов в пику ему. Лишь в «Братьях Карамазовых», в поэме «Великий инквизитор», возникнет альтернативная религиозно-метафизическая, нравственно-правовая конструкция. Поэма окажется одним из самых барочных по жанру и стилю, по форме и содержанию творений Достоевского. Только весьма поверхностный взгляд способен увидеть в ней одну лишь стилизацию под архаику. Серьезный же читатель не может не почувствовать силу внутреннего пафоса и идейно-философского накала поэмы, достигающего степени «каленного железа».

В этой барочной фреске теодицея предстает в чистом виде, т. е. в прямом, открытом столкновении со своими главными противниками — дьяволодицеей и антроподицеей. Перед читателем разворачивается не просто триалог между ведущими культурно-историческими парадигмами, а настоящее сражение, в котором осталась в стороне вся декоративная мишура внешних условностей и оголилась истинная суть каждой из позиций.

Поэма «Великий инквизитор» являет собой грандиозную панораму культурно-исторических символов власти, вводящих из XIX века в ретроспективу XVI столетия и в перспективу XX века. В центре ее три символические фи-

гуры — Иисус Христос, испанский кардинал и Дух зла. Одна из главных ее тем — тема власти, поворачивающаяся на протяжении поэмы различными гранями и принимающая вид проблем права на власть, искушения властью, соблазна абсолютной, деспотической властью, цены за власть, которую платят господствующие и подчиняющиеся. Символы, в которые облачены все эти проблемы, представляют собой «сгустки» множества культурно-исторических, морально-религиозных и философско-правовых смыслов, позволяющих каждой новой эпохе находить и узнавать в них свои реалии.

Многое в поэме выглядит как некая тайнопись, требующая расшифровки. На фоне опознанных смыслов остается гораздо больше смыслов неопознанных, «неизреченных», не поддающихся пока еще прочтению и социокультурной атрибуции. За ними видится беспредельность глубинной памяти человеческого рода, откуда ничто никогда и никуда не исчезнет. Будут проходить века и из ее глубин время от времени будут всплывать все новые острова и материи общего внутреннего опыта. И будут возникать новые возможности для понимания того, что до этого пребывало во тьме.

Каждая из трех главных фигур поэмы символизирует определенную грань проблемы абсолютной власти. Так, дьявол — метафизический символ соблазна, искушения абсолютной властью. Великий инквизитор — персонификация абсолютной власти, ее антропологический символ. Христос — символ высших метафизических, религиозных, этических начал, противодействующих укоренению земных форм абсолютной власти. Предметом их столкновения выступает кратическая антиномия, в которой тезис гласит: «Абсолютная власть над людьми допустима», а антитезис утверждает: «Абсолютная власть человека над другими

людьми недопустима». Обе идеи сталкиваются между собой в сознании тех, кто властвует, и тех, кто вынужден подчиняться. За тех и других борются две метафизические силы — Бог и дьявол. Даже Великий инквизитор был ареной их борьбы. Начиная свой путь как истово верующий в дело Христа, он был искушаем Духом зла и, не устояв, соскользнул на стезю безмерного властолюбия. В нем метафизическое зло трансформировалось в зло социальное, обнаружив прямую причинную зависимость между ними.

Соблазны и подмены абсолютной власти

Абсолютная власть, персонифицированная в личности кардинала, обнаруживает несколько важных особенностей.

Во-первых, это власть, не знающая ни религиозных, ни нравственных, ни правовых ограничений. Ее обладатели, узурпировавшие право на произвол, уверены, что им все позволено. Им представляется, что если пожелать, то можно даже повторно казнить воскресшего Христа и заставить людей, которые вчера еще падали перед ним ниц, подгрести угли к его костру.

Во-вторых, это власть, постоянно совершающая коварные подмены. Она сама является злом в маске добра, врагом с личиной радетеля. В Великом инквизиторе оживает библейский «человек беззакония», который здесь выступает в маске блюстителя закона. Другая подмена — это стремление изображать свободу как бремя, непосильное для масс. Подобная позиция позволяет обладателям деспотической власти считать людей слабыми и порочными существами, которых можно только силою и устрашением вести по пути законопослушания.

Третья особенность заключается в том, что абсолютная власть носит сугубо отрицательный, демонический характер: она более разрушает, чем созидает. При этом наибольшие разрушения она производит в сфере человеческого духа, в его ментальных, этических и экзистенциальных структурах.

Соблазны абсолютной властью исходят из области индивидуального подполья, т. е. тех глубинных уровней человеческой психики, которые сообщаются с темной метафизической реальностью, обиталищем ночной души и крутящихся вокруг нее «бесов» зла и насилия. Именно эти «бесы» сообщают кратическим мотивам демонический, богоборческий характер. Они заставляют человека посягать на авторитет Бога и пытаться присвоить себе его властные функции.

Стремление к абсолютной власти — это форма проявления человеческой гордыни, осмелившейся вообразить, что мир пуст и погружен в безначалие. Но подобное стремление — всего лишь проявление ограниченности человеческого рассудка, наивно пытающегося присвоить себе не принадлежащие ему права.

Даже Христа дьявол пытался искушить соблазном абсолютной власти, предлагая тому обратить камни в хлебы, чтобы благодарное человечество двинулось за чудотворцем. Для Духа зла основными средствами, ведущими к вершине абсолютной власти, выступали чудо, тайна и авторитет. Они же — ее символы, из которых складывается харизма абсолютного властелина. Но Христос отверг путь чуда, ответив, что не хлебом единым жив человек. Смысл его ответа заключался в том, что каждому надлежит свободно принимать решение о том, следовать ли за ним или нет, а не руководствоваться страхом, будто может оскудеть рука дающего.

Но если Христос отказался от абсолютной власти, то человеку устоять перед ее соблазнами почти невозможно. Далеко не всякому доступно понимание ее иллюзорности. Взятая сама по себе, кратическая мотивация не содержит ничего дурного и способна в известных пределах способствовать социальному самоутверждению личности, препятствовать ее превращению в некое подобие социальной медузы. Шекспировский Гамлет говорил: «Поместите меня в скорлупу ореха, и я буду чувствовать себя покорителем Вселенной». Но так рассуждать мог только человек, не обладающий сильной кратической мотивацией. Великий же инквизитор ею обладал. Кроме того, ему была присуща еще одна черта, под влиянием которой кратическая мотивация способна обретать злокачественный характер. Это коренное свойство человеческой природы — склонность к забвению меры, способная проявляться повсеместно: в удовольствиях и пороках, в страстях и притязаниях на власть и во многом другом. Пренебрежение мерой в кратических притязаниях определяет путь, которым движется Великий инквизитор, готовый во имя абсолютной власти над людьми уничтожить любое препятствие, возникшее перед ним, даже если это сам воскресший Христос.

Христос-правозащитник

В поэме Христос выступает в роли правозащитника, стоящего на стороне тех, кто отдал свою свободу и вынужден жить в страхе перед карающей десницей земного бога. На противоположном полюсе абсолютной власти оказалось абсолютное бесправие, нуждающееся в защите. Но Христос — своеобразный правозащитник: он не произносит ни единого слова и на все выпады Великого инквизитора отвечает молчанием. И его молчание символично, это

символ «умершего» для Европы Бога. И поскольку Бог «мертв» для кардинала, то и Христос для него безгласен.

Однако эта «фигура умолчания» семантически амбивалентна. Для Великого инквизитора это символ недейственности абсолютных запретов, символ того, что власть свободна от них, что для нее не существует никаких препятствий. Иной смысл этого символа в том, что трансцендентный мир, из которого явился Христос, не спешит выговориться. За выжидающим молчанием Сына Божьего — уверенность, что последнее слово все же останется за ним.

Сквозь кратическую проблематику поэмы просвечивает мысль о том, что над земными государствами властвуют не люди, даже если они единоличные правители, наделенные неограниченной властью, а высшая трансцендентная сила. Только ее власть действительно абсолютна. Попытки же любого из смертных присвоить себе абсолютную власть обречены. И в этом поэма перекликается с ветхозаветной книгой пророка Даниила.

Облачение темы власти в религиозно-историческую символику предполагает, что власть метафизична и апофатична, т. е. в ней присутствует некая высшая тайна, до конца не раскрываемая. Обнаруживаются два возможных подхода к ней. Первый, рассудочно-позитивистский, состоит в том, что для него любая тайна — это только приманка. Дотянувшись до того, что ему доступно, рассекретив какую-то малую часть интересующей его реалии, рассудок отмахивается от всего, что пребывает в тени. Метафизический разум и метафизическая интуиция, которыми в высшей степени наделен автор поэмы «Великий инквизитор», видят в тайне обязательный, безусловный компонент любой из форм бытия. Так, прикасаясь к тайне власти, они не требуют ее полной дешифровки. Им чужды неоправданные познавательные амбиции рассудочного позитивиз-

ма. Не случайно в итоге, когда позитивное знание оказывается в очередном когнитивном тупике, выручает его именно метафизика. На ее философских просторах научная мысль восстанавливает истощившийся потенциал своей эвристики. Метафизика возвращает ее к абсолютным основаниям сущего и должного, откуда она может опять начать свой исследовательский путь уже в новом направлении.

Поэма, проникнутая пафосом восстания против идеи абсолютной власти человека над человеком, — это ответ на проект Шигалева и одновременно мощная апологетика метафизической идеи естественного права. В ней прочитывается убежденность мыслителя-гуманиста в том, что право человека на обеспеченное существование и пользование благами цивилизации прирожденно, неотчуждаемо и не требует ради его сохранения отказа от свободы. Право на свободное самоопределение является также прирожденным и неотчуждаемым. Иными словами, ни одно естественное право не должно обретаться в обмен на другое естественное право.